

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГГ.

В.В. Тянь

Кафедра социологии и культуры
Московский государственный университет
приборостроения и информатики
ул. Стромынка, 20, Москва, Россия, 107996

В статье анализируется концепция внешней политики царского правительства накануне Первой мировой войны. Эта концепция позиционировала Россию в системе внешнеполитического блока. В этих условиях защита интересов блока стала приоритетной.

Ключевые слова: Россия, Тройственное согласие, Тройственный союз, политическая власть, внешняя политика, концепция.

За полувековое после отмены крепостного права (1861 г.) осуществление программы реформ самодержавная (сословная) власть России претерпела ряд существенных изменений. Императорская власть оказалась способной вести в известных пределах социально ориентированную внутреннюю политику. Сложнее оценивать внешнюю с позиций государственных и общественных интересов, особенно в период думской монархии, и тем более — разработку концепции внешней политики страны. Концепция внешней политики царского правительства (задачи и подходы для их решения) накануне Первой мировой войны 1914—1918 гг. воспринимается неоднозначно, а в правящей элите России в свое время подвергалась серьезной критике. Она не отличалась особенной оригинальностью, но содержала ряд интересных моментов. Политики и историки не раз будут возвращаться к политическим коллизиям, предшествовавшим Первой мировой войне. Подготавливаемая Первая мировая война представлялась как «большая война» эпохи наполеоновских войн. Некоторые консервативные политические деятели России считали возможным решение острых внутренних проблем в «большой войне», восстановление престижа великой державы, умаленного после Крымской войны 1853—1856 гг. и русско-японской войны 1904—1906 гг. Противоречивость и динамизм мирового развития требовали адекватной внешней политики от царского правительства. Однако из-за консервативности правящих кругов нельзя было ожидать

обновления стратегии во внешней политике России, корректировки избранного внешнеполитического курса с учетом меняющихся обстоятельств. О характере внешней политики российского самодержавия писал М. Верер: «...Покорный мужик служил для них (авторитарной ортодоксии и империалистического славянофильства. — В.Тян) типом будущего русского человечества, господствующего над миром и одновременно подчиненного царю и церкви» [3. С. 87].

В начале XX века во многих странах Европы, а также в России, США и Японии установился военно-монополистический капитализм, при котором уровень милитаризации экономики превысил черты оборонительного значения. Внешняя политика правительства России учитывала новые реалии. В концепции внешней политики России накануне Первой мировой войны выделяются несколько узловых моментов: а) сохранение статуса великой державы; б) открытость для делового сотрудничества; в) незамедлительные ответы на вызовы; г) вовлеченность в сферу геополитики с отходом от стратегической внешнеполитической линии. Прежде всего, наметился отход от традиционного курса на установление двусторонних дружеских, партнерских или союзнических отношений для обеспечения безопасности страны, что достижимо при соблюдении баланса интересов, проблематичного при эгоизме империалистических держав. За первые десятилетия XX века в высокоразвитых странах Европы, США и Японии были созданы новые технологии, новая военная техника, сложная система коммуникаций. В такой ситуации «единоборство силачей» завершилось бы взаимоуничтожением, а «большая война», к которой стремились мировые «ястребы», могла привести к уничтожению сателлитов. Но правящие круги Европы, пребывавшие в мире старых представлений, не осознавали в полной мере губительность военных схваток.

В ситуации, когда все великие державы Европы, США и Япония включились в гонку вооружений, а в мировой политике апробировались блочные схемы, то и Российская империя, занимавшая добрую часть Евразии, не могла оставаться в стороне от этих политических новаций. «Авторитарная ортодоксия» властей России могла привести к изоляции. Колониальная политика европейских держав в начале XX века предопределяла переход от двусторонних отношений к «Срединной Европе», проводимый германскими политическими верхами вкупе с австро-венгерскими коллегами, что вызвало противодействие Франции и Англии. Срединная Европа не могла сложиться из имперского треугольника: Россия, Германия и Австро-Венгрия, если бы было достигнуто взаимопонимание в вопросе об отношении к славянским государствам на Балканах. Императоры России и Германии находились в родственных отношениях, австро-венгерский монарх тоже не был чужд кайзеру, а общность геополитических интересов сблизила последних. Германия и Австро-Венгрия из имперского треугольника стали основой Тройственного союза после того, как к ним примкнула амбициозная Италия. Дипломатическое ведомство добивалось подписания российско-итальянского соглашения, и его подписание явилось успехом российской дипломатии. Италия сделала шаг на выход из союза.

Дипломатическое ведомство России по проблеме черноморских проливов придерживалось прежних взглядов, в то время как Англия и Франция скептически

смотрели на судьбу Османской империи. Представлялось, что это соглашение способствовало бы сближению Италии и России и ослаблению ее связи с Германией и Австро-Венгрией. В циркулярной депеше от 10 июля 1909 г. послу России в Риме князю Долгорукому отмечается, что включение в соглашение «балканских вопросов представляется особенно важным ввиду того, что согласование нашей политики с итальянской придает новую силу оберегаемым нами принципам и затруднит дальнейшую для Австро-Венгрии возможность придерживаться на Балканах политики захватов» [2. Д. 287/289. Л. 85—86 об.]. Эти и другие идеи нашли свое отражение в секретном соглашении между Россией и Италией, подписанном в октябре 1909 г. министрами иностранных дел А.П. Извольским и Т. Титтони во время визита Николая II в Италию. Тройственный союз мог приступить к решению балканской проблемы без участия России. Российский император счел необходимым укрепить межгосударственные отношения с президентом Франции, налаженным еще императором Александром III Мирноосцем. Усиление Германии тревожило не только Россию, но и Францию, которая обратила взор на императорскую Россию. В 70-е гг. XIX в. началось сближение России с Францией, когда российской дипломатии удалось добиться восстановления Черноморского флота. Сильная и мирная Россия импонировала Франции. При императоре Николае II налаживание позитивных отношений с Францией продолжалось. Русско-французский договор 1894 г. был пролонгирован русско-французским соглашением 1907 г. Увеличился объем французских кредитов, выделяемых России, которые пошли в промышленное производство и строительство, в какой-то мере на милитаризацию российской экономики. Движение к русско-французскому союзу с экономической точки зрения было оправдано. Соглашение о русско-французском союзе было подписано в 1909 г., что с политической точки зрения означало движение к будущему Тройственному согласию (Англия, Франция и Россия), а также вело к охлаждению традиционных русско-германских отношений, нарушению баланса интересов, что осложняло решение геополитических проблем. Хотя названные соглашения не предусматривали оказание военной помощи России, Тройственный союз должен был внести коррективы в политику по отношению к теперь уже не одинокому противнику. Среди историков и политологов нет единого понимания, когда же Россия стала рассматриваться Тройственным союзом как противник.

Новое сближение России с Англией объяснялось не только объективными обстоятельствами, но и династической связью, когда-то игравшей в политике значительную роль. Император России Николай II и английский король Георг V были кузенами, а императрица Александра Федоровна — внучкой английской королевы Виктории. Действительно, новый поворот вектора внешней политики России нашел отклик в Англии. Появилась возможность сформировать второй в Европе политический триумvirат — Тройственное согласие. Французская республика и британская монархия проводили одинаковую по характеру и направленности внешнюю политику. И этот дуэт был готов конструктивно сотрудничать с самодержавием.

Лидеры Тройственного союза приняли во внимание то обстоятельство, что Тройственное согласие — скорее политический, чем военно-политический союз,

ибо он не был скреплен союзным договором. Поэтому вместе державы Тройственного соглашения не могли преодолеть внутрисоюзных противоречий. Россия, вовлеченная в фарватер политики Англии, лидера в Тройственном соглашении, обречена была выполнять взятые на себя обязательства (Русский император выполнял свои обязательства перед Антантой вплоть до своего отречения от власти). Россия не свернула торгово-экономические отношения с Германией, хотя внешняя политика последней обрела антирусскую направленность, а также усилилась деятельность разведок стран Тройственного союза, что стало известно российским спецслужбам [10].

В контексте сложных русско-английских отношений важное место занимала политика русского правительства в Иране (Персии) и на Дальнем Востоке. Как известно, Англия придерживалась принципа территориальной неприкосновенности, выражала нежелание делить колонии и допускать новые аннексии. Данная политика распространялась на Китай и Иран (Персию), где особенно остро сталкивались интересы Англии и России. К тому же в этих вопросах Англия координировала свои действия с интересами Соединенных Штатов Америки. Русский посол в Англии Бенкендорф не скрывал своего опасения, что «соглашение с Англией может потерпеть крушение под влиянием более или менее [серьезной] международной интриги». Бенкендорф рекомендовал России следовать правилу, которого придерживалось правительство Великобритании: «Охрана интересов Англии и ее подданных постольку, поскольку это совместимо с интересами государства». В письме С.Д. Сазонову от 12 февраля 1912 г. Бенкендорф подчеркивал: «Ведь ясно, что чем дольше оккупировать Персию, чем дольше оставаться там, тем будет постепенно все труднее и труднее уйти оттуда и тем необходимее будет для нас править ею. Я убежден, что те торговые выгоды, довольно сомнительные, — да их при том еще трудно будет отстоять от всепроникающих немцев, которых поддерживает их правительство, встречающее там только нас одних, — что эти выгоды (я несколько не хочу их умять) все же недостаточны, чтобы оправдать всю ответственность, все трудности, все огромные издержки окончательной оккупации, иначе говоря, аннексии и все ее громадные политические последствия» [2. Д. 707/756. Л. 205—206]. Посол опасался «международных интриг». Он также рекомендовал политическому руководству России учитывать мнение международной, в частности английской, общественности в ходе реализации политики на Дальнем Востоке.

Напряженная ситуация, складывающаяся в Европе, требовала от царского правительства активной внешней политики. Перед Россией стояли несколько узловых задач: разрешение ситуации на Балканах, в частности, противодействие австро-венгерской антисербской политике, проводимой при поддержке Германии; противодействие стремлению Германии к экономической гегемонии на Дунае, обнаружившееся в 1911 г. События 1911 г. обнаружили нежелание России конфликтовать с Германией из-за колониальных споров, интересующих лишь Францию и Британию; тогда же Петербург достиг соглашения с немцами по ближневосточным делам. Вывод, который независимо друг от друга сделали в Париже и Лондоне, напоминал реакцию германского руководства на «упрямство» Австро-

Венгрии — если идти на конфликт, то пусть он возникнет на Балканах и Ближнем Востоке! Резкое обострение обстановки в этом регионе вызвало существенные перемены в лагере Антанты. Развитие германо-австрийской инициативы (миссия фон Сандерса и др.), рост экспансионистских тенденций в правящих кругах России, а также интриги ее собственных союзников привели к тому, что именно она оказалась «на линии огня». И если в 1911—1912 гг. российское правительство, вызывая раздражение иных парижских министров и генералов, соблюдало осторожность, если прохладно встречало намеки из Лондона об оформлении англо-русского союза, то к 1914 г. возможности маневра для царской дипломатии сократились. Теперь уже Россия готова была форсировать превращение Антанты в прочный и «официальный» союз. Однако в Антанте возникли серьезные противоречия между Британией и Россией. Эти противоречия, на первый взгляд, не носили принципиального характера. Русско-английские отношения не омрачались событиями, которые имели место в русско-французских и русско-германских отношениях.

Как известно, в октябре 1912 г. кайзер, зная, что Россия и Франция не подготовлены к немедленной войне на Балканах, заявил: «Восточный вопрос должен быть решен железом и кровью! Но в благоприятный для нас момент! Именно теперь!» [11, №№ 12205, 12225]. Первая Балканская война, начавшаяся и закончившаяся в октябре 1912 г. почти полным изгнанием Турции из Европы, внесла корректировку во внешнеполитический курс участников Тройственного союза. В те дни посол Германии в Лондоне К. Лихновский писал кайзеру: «Следует очень приветствовать, что Германия не идентифицируется с Турцией. Было бы досадно, если бы Германия из-за воображаемых венских потребностей в Албании или Сербии должна заступаться. Дух тройственного союза гарантирует прочность лишь фактических владений, поэтому было бы непостижимо, если бы Германия из-за усиления Сербии даже отдаленно подверглась опасности военного конфликта» [12. С. 79]. 9 ноября 1912 г. кайзер телеграфировал статс-секретарю иностранного ведомства, что из-за Албании и Дураццо «...я ни при каких обстоятельствах не выступлю против Парижа и Москвы» [11, № 12348]. В руководящих кругах Германии бытовало мнение: если Германия теперь заявит Австрии, что из-за порожденной Австрией войны из-за Албании Германия не видит *Casus Foderis*, то этим она потеряет кредит доверия, Тройственный союз будет развален. С другой стороны, Германия должна заботиться о том, чтобы требования Австрии к Сербии были умеренными [13. С. 182].

После двух Балканских войн Германия в союзе с Австро-Венгрией и Италией (вышедшей из союза в 1914 г.) с группой государств, входящих в орбиту Тройственного союза, решила вытеснить Россию из европейской политики. Если бы консервативная Германия могла найти взаимопонимание с Россией, то Франция и Англия оказались бы по другую сторону. Во многом позиции России и Франции совпадали. И это явилось главной предпосылкой, обусловившей наличие прочных союзнических отношений между двумя странами, что привело «к росту взаимного интереса, лучшей взаимной осведомленности и в конце концов росту взаимной

симпатии и чувства дружбы, связывавших народы обеих стран» [7. С. 356]. Перед лицом сильного и опасного конкурента государства Антанты старались свести свои разногласия к минимуму, заключали новые военно-политические соглашения. В 1912 г. была подписана франко-русская морская конвенция, а Пуанкаре, будучи в Петербурге, сообщил Сазонову об обязательстве Англии помочь французам в случае нападения Германии. Как известно, Англия, придерживаясь принципа «баланса сил», не приветствовала быстрого усиления Германии. Любопытно, что такая позиция Англии не являлась секретом для Вильгельма II: «Британская политика „баланса сил“ основательно сняла покров: в обнаженном бесстыдстве разыгрывать в лотерею великие державы друг против друга к выгоде Англии» [12. Д. 2]. Не было секретом, что Англия в случае войны между Австро-Венгрией с Германией, с одной стороны, и Францией с Россией — с другой, встанет на сторону последней. И об этом было информировано российское руководство.

Реакцией Вильгельма II на сообщения из Лондона стал созыв «военного совета» 8 декабря 1912 г. В своем дневнике участник совещания адмирал Г. Мюллер подробно описывает события того дня: «Воскресенье. К 11 часам его величество приказал А. Тирпицу, А. Геерингену (адмиралу) и генералу Мольтке прибыть во дворец. Его величество имел в руках телеграфное сообщение посла в Лондоне князя Лихновского о политическом положении. Холден как рупор Грея заявил Лихновскому, что Англия, если бы мы напали на Францию, безусловно помогла бы Франции, поскольку Англия не может допустить, чтобы в Европе был нарушен баланс сил. Его величество приветствовал это сообщение, как желаемое выяснение ситуации... Его величество представил следующую картину: Австрия теперь должна энергично выступить против Сербии — иначе она теряет власть над славянами Австро-Венгерской монархии. Если Россия стала бы защищать сербов, что очевидно (заявление Сазонова: Россия немедленно вступит в Галицию, если Австрия вступит в Сербию), то война для нас также стала бы неизбежной. Но мы можем надеяться иметь на нашей стороне Болгарию, Румынию, также Албанию, возможно также Турцию... Выступят эти державы на стороне Австрии, тогда были бы мы в общем свободны вести войну против Франции со всей силой. Флот, естественно, должен быть направлен против Англии. Начальник морского штаба в последнем докладе разбирал обстоятельства войны против одной России; после заявления Холдена возможность войны исключительно против России можно не принимать во внимание. Следовательно, подводная война против английских военных транспортов в Шельде, соответственно в Дюнкерке, и минная война в Темзе. К Тирпицу: немедленное увеличение строительства подводных лодок и т.д. Генерал Мольтке: „Я считаю войну неизбежной и чем раньше, тем лучше. Но мы должны через прессу лучше подготовить популярность войны против России в смысле кайзеровских выступлений“. Его величество утвердил эту отсрочку. Тирпиц обратил внимание на то, что флот охотно бы видел отсрочку большой борьбы на полтора года. Мольтке доказывал, что флот и тогда не был бы готов и армия оказалась бы в еще худшем положении, так как противник вооружен сильнее, чем мы, мы сильно связаны средствами. Это был конец обсуждения. Результат был изрядный ноль» [12. Д. 2].

Исследователь Дж. Рель, изучая эпоху Вильгельма II, первым обратил внимание на последствия этого совещания. Но отметим, все-таки Германия, по мнению русских дипломатов, основное внимание уделяла Франции. Как утверждал дипломат К.Б. Виноградов, координация действий между Австро-Венгрией и Германией по отношению к Сербии даже к середине октября 1912 г. не была достигнута. 30 октября австро-венгерские требования были отправлены в Берлин правительству Германии. Австро-венгерские власти считали, что «притязания Сербии на расширение своих земель до Адриатики должны быть отвергнуты с самого начала» [4. С. 6, 9]. По мнению К.Б. Виноградова, вопрос о могуществе Сербии для Австрии неразделим с вопросом ее собственного существования [8]. Все эти события подталкивали Российскую империю к ускоренному сближению с Антантой. В этой ситуации российская дипломатия должна была выработать стратегию. На заседании Госдумы 12 апреля 1912 г. С.Д. Сазонов заявлял: «Не надо забывать, господа, что Россия держава европейская, что государственность наша сложилась не на берегах Черного Иртыша, а на берегах Днепра и Москвы-реки. Увеличение русских владений в Азии не может составлять цели нашей политики: это привело бы к нежелательной сдвигке центра тяжести в государстве и, следовательно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке» [5. Стлб. 2170]. Поскольку в Европе формируются противостоящие блоки, следовательно, по мнению министра, надо формировать европейски ориентированную концепцию внешней политики России. В действительности, дело было не в генезисе российской государственности, а в милитаризации европейской экономики и нарастании агрессивного характера внешней политики великих держав. К началу 1914 г. гонка вооружений достигла огромных размеров. Германия, не сокращая расходы на морскую программу, увеличивала сухопутную армию. Вместе со своей союзницей Австро-Венгрией она имела теперь 8 млн человек, обученных военному делу. Страны Антанты также быстро увеличивали свои вооруженные силы. При помощи новых французских займов Россия строила стратегические железные дороги, ведущие к германской границе, расширяла кадровый состав армии.

Российские дипломаты добились реальных результатов по усилению позиции России в грядущем противостоянии блоков. Была заключена русско-французская морская конвенция. Позже российское правительство ознакомило британское руководство с документами, характеризующими русско-французский союз. Начались переговоры о заключении англо-русской военно-морской конвенции. И тем не менее имелись обстоятельства, которые расценивались в Германии как благоприятствующие ее агрессивным планам. Дипломат П.А. Сабуров, касаясь событий на Балканах, в записке, датированной июнем 1913 г., уловил опасные тенденции австро-германского тандема: «Пока существует австро-германский союз, нам невозможно быть хозяевами на Балканском полуострове. Славянское движение объединит еще более интересы Австрии и Германии. Австрия, сильная поддержкой Германии, действует наступательно на Балканском полуострове. Германия, в свою очередь, может во всякое время употребить Австрию как орудие, чтобы вовлечь Россию в европейскую войну в наиболее благоприятный для Германии момент»

[9]. Но П.А. Сабуров оставил за скобками то, что в той ситуации Австро-Венгрия, тем паче Германия, не были заинтересованы в вовлечении России в «европейскую войну»! Известно, что немецкие дипломаты были достаточно профессиональны, хоть и уступали английским коллегам в политической игре, в чем убедились царские дипломаты, неожиданно вовлеченные в соперничество между Россией и Англией в Иране в начале 1914 г. Это соперничество приняло столь острые формы, что вопрос о пересмотре англо-русского соглашения 1907 г. сделался предметом официальных переговоров между обоими правительствами. С другой стороны, в начале 1914 г. открылись англо-германские переговоры по вопросу о Багдадской железной дороге, а также о разделе португальских колоний в Африке. Эти переговоры велись английским правительством для того, чтобы ввести в заблуждение европейские державы относительно позиции Англии в назревающем европейском конфликте и одновременно оказать давление на царскую Россию в вопросе об Иране. Конечно, если столкнутся Россия с Германией, что приведет к ослаблению обеих стран, то Англия добьется упрочения своего положения статуса великой державы. Германия станет более решительной, если убедится, что Англия не стоит на стороне России. Правящие круги Германии, оценивая летом 1914 г. международную обстановку, считали, что Англия в случае возникновения войны в Европе не выступит, по крайней мере в течение известного периода, на стороне России и Франции. В этом случае соотношение сил складывалось в пользу Германии и Австро-Венгрии. К такому выводу пришли Вильгельм II и наследник австрийского престола Франц-Фердинанд. Не было оснований опасаться и царской России: «Внутренние затруднения слишком велики, чтобы разрешить этой стране вести агрессивную внешнюю политику». С этой оценкой согласился и германский император. Он посоветовал австрийцам крепким ударом по Сербии окончательно утвердить свое влияние на Балканах. Так, Россия и Германия первыми устремились в опасную ловушку, расставленную Англией.

Перегруппировка сил, начавшаяся на рубеже XIX—XX вв., закончилась к 1913 г. (договоры Японии с Россией и Англией, негласный англо-американский сговор). Учитывая противоречия Японии и США, немецкие дипломаты (Хинце и др.) зондировали почву для сближения с ней. Но потенциальные возможности такого рода парализовались кардинальным расхождением интересов Японии и Германии на Дальнем Востоке и в еще большей мере тем, что война в Европе позволила бы Японии продолжить свою экспансионистскую политику (протекторат над Кореей, оккупация северо-востока Китая). Внешняя политика царского правительства в тактическом отношении добилась результатов. В стратегическом плане она четко не просматривалась. Возобновились споры по выбору приоритетов во внешней политике. В информированных кругах России царили замешательство и тревога. Начнется война, и России будет очень трудно избежать ее. И враг все-таки — Германия. Страна, которая открыла двери для России в европейскую культуру и не имела к России территориальных претензий. При равном военно-экономическом потенциале столкновение двух стран могло привести к взаимоничтожению. Но, находясь в политической реальности, политики не видели

возможности избежать участия в надвигающейся войне. Блоковая система привела к тому, что партнеры становились врагами.

Расчеты немецких государственных деятелей на раскол Антанты оказались ошибочными. Тенденция к распаду противостоящих группировок могла стать господствующей только после их фронтального столкновения. Консолидация англо-франко-русского союза обуславливалась размахом экспансии германского империализма и ускорялась ожидавшимся обращением немецкого руководства к силе оружия. Смертельный выстрел сербского студента Г. Принципа вызвал цепь событий, ожидавшихся Англией. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Германия была вынуждена 1 августа 1914 г. объявить войну России и демонстративно напасть на Бельгию, давая российской власти время на размышление. Высшие сановники России добивались аудиенции у Николая II. С.Ю. Витте и П.Н. Дурново убеждали царя не вступать в войну, говоря о неготовности России к войне и неизбежности революционных потрясений. В частности, в своем меморандуме П.Н. Дурново доказывает: «Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии. Такая лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций» [6. С. 199]. Это был проницательный взгляд на возможный ход событий, взгляд человека. Однако доводы министра иностранных дел С.Д. Сазонова о государственных интересах России оказались в [1].

Таким образом, концепция внешней политики России накануне Первой мировой войны строилась на основе признания неизбежности войны. В случае начала военных действий России не удастся избежать ее. И даже если ей сулит победа — это людские потери и материальный урон. Внешнеполитическое ведомство Российской империи не искало повода для конфронтации с буржуазной Европой, но и не стремилось к противодействию войне, а царь не сомневался в положительном исходе войны, понадеявшись на военный и экономический потенциал державы. В России эта война получила название Великой, вызвала широкий патриотический подъем (Н. Верт) и осознавалась народом как Отечественная. Но уже в ходе войны отношение к ней в обществе изменилось. Она послужила для Российской империи, Германии, для всего человечества прологом великих смут и потрясений, под влиянием которых россияне находятся и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4338ю Л. 3.
- [2] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467.
- [3] *Верер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. — Киев, 1906.
- [4] *Виноградов К.Б.* Основные особенности политики Австро-Венгрии на Балканах в 1909—1913 гг. — М., 1966.

- [5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. III. — СПб., 1912.
- [6] Красная новь. — 1922. — № 6 (10).
- [7] Манфред А.З. Оформление русско-французского союза. — М., 1975.
- [8] РГАМВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 233. Л. 287.
- [9] РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 244. Л. 1.
- [10] ЦВИА. Ф. 1606. Оп. 7. Ед. хр. 24.
- [11] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914/ Bd. 33.
- [12] Rohl J.C.G. An der Schwelle zum Weltkrieg: Eine Dokumentation über den «Kriegsrat» von 8 Dezember 1912 // Militargeschichtliche Mitteilungen. — 1977. — № 1.
- [13] Rohl J.C.G. Der militärpolitische Entscheidungsprozess in Deutschland am Vorabend des Ersten Weltkrieges. // Kaiser, Hof und Staat. — München, 1988.

RUSSIAN FOREIGN POLICY CONCEPT ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR 1914—1918

V.V. Tian

Sociology and Culture Chair
Moscow State University of Instrument
Engineering and Computer Sciences
Stromynka Str., 20, Moscow, Russia, 107996

In article the concept of foreign policy of the imperial government on the eve of the First World War is analyzed. This concept left Russia in political block system. Under the conditions block system protection was among the priorities.

Key words: Russia, Triple Entente, Triple Alliance, political power, foreign policy, concept.